

ПОЛЯРНОЙ НОЧЬЮ

рассказ

Черное звездное небо обещало мороз.
«Замешкался я, — подумал Федот Иванович, глядя на Большую Медведицу, — дело к полудню идет. Ишь куда ковш запрокинуло. Ну, да ничего, успею...»

Старый охотник свистнул Таймыра, могучего широкогрудого пса, и стал прилаживать лыжи.

Дверь Федот Иванович запирать не стал, — а вдруг какой путник забредет? У печки заботливо оставлена вязанка дров — выброшенный морем плавник. Лампа заправлена керосином. В сенях на видном месте висит мороженный медвежий окорок — любому гостю доброе угощение.

— Песцы дверь не откроют, а человеку — хлеб да соль, — сказал вслух Федот Иванович.

Таймыр поднял умные глаза.

Старый охотник часто говорил с самим собой или с собакой — привык за годы одинокого житья-бытья: ведь после смерти жены он остался совсем один. Правда, есть у него сыновья. Бравые ребята. Только разбрелись они по всей стране...

Приладив лыжи, охотник зашагал вперед. В скупом свете звезд снег казался серым.

Федот Иванович с радостью думал о предстоящей беседе с людьми на полярной станции, куда он держал путь. Может быть, и о сынах что услышит. О старшем, об Александре, непременно услышит. Кто не знает полярного капитана Фомина?

По дороге охотник один за другим осмотрел пять капканов. В трех оказались отменные песцы.

Внезапно подул сильный ветер. Он стал плотным, смешавшись с колючим снегом. Звезды исчезли.

— Это еще не пурга! Какая это пурга! Это только поземка, — бормотал Федот Иванович.

И в памяти старого охотника встала другая пурга, которая едва не стоила ему жизни. Закоченевшего, обмороженного нашли его в снегу чукчи и отогрели в своей яранге. Бежал он тогда из сибирской ссылки в тундру.

С тех пор Федот Иванович и остался жить на Севере, крепко полюбив этот суровый край.

А в Тамбовскую губернию незачем ему было возвращаться, никого там не осталось. Отца вместе с ним арестовали — сообщая они помещику красного петуха пустили, ну, а женить Федота не успели. Женился он тут, на чукчанке. Хорошая жена была...

Отец так и умер на каторге. Сын Иван уж больно с ним схож. Знал бы дед, кем его внук стал, — офицером. Дед офицеров одних лишь ведал — царских, а тут — свой офицер. В Отечественную войну сразу же на фронт ушел. Добрый охотник был. Лисиц чернобурых немало принес. И ни одной шкурки не испортил — всегда в глаз... Снайпер из Ивана получился отличный...

— А пурга-то, видать, разыграется, как бы не задержала, — с тревогой поглядывая на небо, перебил сам себя Федот Иванович.

Ветер выл, стонал, ревел, стараясь свалить охотника с ног. Конечно, в другое время Федот остановился бы, зарылся бы в снег, чтобы проспять двое суток, а там и отправиться восвояси, но теперь... Слишком важное было у Федота Ивановича дело.

Федот Иванович шел за сто десять километров на ближнюю полярную станцию выбирать депутата в Верховный Совет Советского Союза. Особое приглашение еще в прошлом месяце доставил охотнику знакомый чукча из оленеводческого колхоза.

Ледяной ветер останавливал дыхание. Усы смерзлись. Глаза не видели ничего, даже Таймыра. Казалось, снег ревет вокруг, словно море в шторм.

«Вот как, Федот Иванович, старый ты охотник, знаешь ты тундру, хвалишься, а как бы тебе не просчитаться!

Нет, придется, видно, остановиться, не то совсем не дойдешь».

С тяжелым сердцем забрался Федот Иванович в малицу, как в спальный мешок. Таймыр прилег подле хозяина.

Согреваясь своим дыханием, старый охотник размышлял: «Что бы ни случилось, а должен ты, Федот Иванович, в общей радости участие принять, вместе со всей страной, со всеми тремя сыновьями...»

Всех троих провожал когда-то Федот Иванович на Большую Землю, чтобы учились, вышли бы в люди охотничьи дети, крестьянские внуки. Самый младший, Алексей, стал летчиком. Дед и не думал, поди, что люди по воздуху летать будут...

«Идти, идти, беспреренно идти... сколько времени пропало», — с ужасом думал старый охотник, выбираясь из сугроба.

Ветер гнал снежные волны. Они разбивались о землю, как штормовой прибой о берег. От одного удара такой волны могло занести с головой.

Вместе со снегом холод отчаяния проползал под мех. Но Федот Иванович все-таки шел...

«Опоздать? В такой день? Перед людьми-то позор какой выйдет... А еще толковать с ними хотел...»

Но остановиться пришлось. Снова зарылись они с Таймыром в снег. Федот Иванович все вычислял, сколько часов пробыл он в пути, сколько еще осталось ему, чтобы не опоздать. И получалось, что ждать совсем нельзя.

К счастью, пурга начала утихать. Ударил мороз. Черная борода Федота Ивановича, в которой не было ни одного седого волоса, поседела, заиндевела. Он побежал на лыжах, не замечая холода. Лишь бы успеть до вечера... до полуночи.

Как быстро поворачивается ковш! Ничем его не остановишь!..

Словно состязаясь со временем, по неумолимо несущейся с запада на восток земле бежал человек, старый охотник Федот Иванович.

Несмотря на поздний ночной час, на полярной станции было оживление. В жарко натопленных уютных комнатах и просторной кают-компании, кроме зимовщиков, толпились пассажиры и экипаж только что прилетевшего с востока самолета.

— Только заправка! И в полет! — говорил высокий плечистый летчик Матвей Баранов, хорошо известный по всей Арктике.

— Задержу совсем немного, — отозвался начальник аэропорта. — Я ведь тоже с тобой полечу, но сперва должен вскрыть урны, подсчитать бюллетени.

Начальник аэропорта посмотрел на часы. Стрелка медленно приближалась к двенадцати часам.

— Вроде как Новый год встречаем, — сказал кто-то.

— Почему ты проформу соблюдаешь? Только опытный перелет задерживаешь! — не унимался летчик.

— Подожди, Матвей. Одного у нас нет... Не знаю, что и думать...

— Вот как? — Баранов сразу стал серьезным.

Хлопнула дверь. В комнату вошел начальник полярной станции. Он сбросил с себя меховую куртку. Его худощавое лицо с выступающими скулами было печально.

— Нет... Никого не видно. Все глаза проглядел.

— Может быть, он в стойбище проголосовал?

— Что ты! Обязательно к нам пойдет. Он в оленеводческом колхозе взял удостоверение на право голосования!

— Время истекло, — прервал начальник аэропорта, — прошу членов комиссии...

— Бортмеханик, иди готовь машины! — скомандовал Баранов.

Снова хлопнула дверь. Через кают-компанию пробежал радист, потрясая в воздухе текстом радиограммы о результатах голосования, которую нужно было передать окружной избирательной комиссии.

— И о нас сообщите, что вылетаем! — крикнул ему Баранов, поднимаясь из-за стола. Он потянулся всем своим крепко сбитым телом и обернулся.

В дверях стояла заснеженная, сильно заиндевовшая фигура человека.

— Что за дед? — спросил Баранов.

Человек шагнул.

— Сколько времени? — прохрипел он. — Мне бы голос подать... — охотник умоляюще взглянул на присутствующих.

Все смущенно переглянулись. Не получив ответа, Федот Иванович еще раз беспомощно оглядел всех, потом грузно опустился на пододвинутый стул. Склонив лицо вниз, он стал сосредоточенно отламывать ледышки на бороде.

— Совсем немного опоздал, дядя Федот, — говорил метеоролог. — Ну, прямо на несколько минут. А мы тебя так ждали...

Вошел начальник аэропорта и застыл с бумажкой в руках.

— Пришел? — словно не веря глазам, воскликнул он.

Федот Иванович еще ниже склонил голову. С его оттаивающей бороды капало на пол.

Никто не утешал старика. В молчании окружающих было понимание, сочувствие...

Старый охотник поднял голову.

— Вот ведь какое дело, опоздал, стало быть. Не догнать вчерашний день-то. Не потекут реки вспять... — и он опять замолчал.

Баранов откашлялся.

Федот Иванович горько усмехнулся:

— Дал промаху, конечно, неправ...

Баранов посмотрел на часы, потом на дверь.

— Реки вспять потекут, — сказал он уверенно. — И Енисей и Обь. Есть, батя, такой проект... В южные моря будут эти реки впадать.

Охотник недоверчиво покачал головой.

— Все шутишь, сынок...

— Нет, отец. Хочешь, догоним вчерашний день, ухватим его за хвост?

— Это как же?

— А так, отец. Пока бортмеханик вернется, слушай: земля вертится с запада на восток. На нашей семидесятой параллели скорость у нее около шестисот километров в час.

— Ну, ну... Ты это к чему?

— Вот ты прикинь. Если на самолете с той же скоростью в обратную сторону лететь, солнце как будто остановится.

— Должно, что так...

— А если быстрее! Если обогнать землю, что тогда? Тогда, друг, зашедшее солнце с запада подниматься начнет. Понимаешь?

— Ну?

— А вот у моего самолета, дед, скорость больше, чем у земли! Вот и представь, что произойдет, если ты на нем будешь? А? — И Баранов лукаво подмигнул старому охотнику.

— У вас время назад пойдет! — крикнул радист.

— А ведь верно, — откликнулся начальник аэропорта. — В Архангельск они прилетят в одиннадцать часов вечера. А у нас уже сейчас первый час. Уступаю Фомину свое место!

Федот Иванович стоял посредине комнаты растерянный. Вошел бортмеханик.

— А теперь, отец, бежим к самолету, — гулким басом скомандовал Баранов, — каждая минута дорога!

— Бежать... Это я могу. Я всю дорогу бежал.

И они скрылись за дверью.

— Да, дед в Архангельске проголосует! — хлопнул ладонью по столу метеоролог.

Дверь снова открылась. На миг просунулась черная борода.

— Вы тут того... за Таймыром моим присмотрите... Он ладный.

И дверь захлопнулась.

— Не беспокойся, отец! — крикнул начальник полярной станции, одеваясь, чтобы пойти за собакой. Он вышел.

Оставшиеся подошли к окну. Издалека доносился лай. Вдруг словно лавина камня рухнула сверху, потом с улицы донесся рокот несмолкаемого грома, странный в эту морозную, полярную ночь.

За окном кабины заревели реактивные двигатели могучего самолета Баранова.

— Неужто летим? — спросил Федот Иванович.

Штурман кивнул головой. Он склонился над картой, нанося курс. Перед ним на стенке виднелись часы со светящимся циферблатом. Они показывали не первый час, а шестнадцать часов с небольшим. Значит, шел еще предыдущий день...

— Вот оно, архангельское время! — крикнул штурман.

«Успеем ли?» — думал Федот Иванович.

В окне ничего нельзя было увидеть, кроме звезд, среди них особенно ярко выделялся знаменитый ковш Большой Медведицы — стрелка небесных часов старого охотника.

Деловито ревели двигатели, шли часы. Вернее, шли часы штурмана, а звездные часы Федота Ивановича... стояли. Более того, стрелка их передвинулась назад.

Штурманские часы показывали двадцать три часа, столько же показывала и Большая Медведица.

Самолет шел на посадку, машина остановилась. В дверях показалась крепкая фигура летчика, победившего время.